

М. С. Потемина

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

ГИБРИДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ

Проблема гибридной идентичности рассматривается в статье в контексте художественного и социокультурного дискурсов. На уровне нарратива в текстах авторов с мигрантским бэкграундом выявляются проблемы интра- (Я — Другой Я) и межкультурной (мигранты и немцы) коммуникации, возникающие в процессе поиска идентичности в новоформатном обществе. В рассказах из сборника *Родной язык* («Mutterzunge», 1990) Эмине Зевги Эздамар тема самоидентификации и социализации раскрывается через призму преодоления протагонистами многоуровневых языковых, культурных и социальных кодов. Бинарные оппозиции «свое — чужое», «традиции — инновации», «жизнь — смерть», «явь — сон», «Восток — Запад», «Восточный Берлин — Западный Берлин» представляют собой доминирующий инструмент авто- и метарепрезентации «себя» и «другого» в рассказах Эздамар. На пути интеграции героев в немецкое языковое пространство у Эздамар на уровне нарратива наблюдается ретроградный вектор движения к старому «своему» с возвращением на исходные позиции определенной этаблированности в новом иноязычном социуме.

Ключевые слова: идентичность; мигрантская литература; Эмине Зевги Эздамар; межкультурная коммуникация; гибридность; транскulturность

1. Введение в проблематику исследования

В последние годы можно заметить тенденцию перераспределения акцентов в изучении мигрантской литературы как одной из гибридных жанровых форм (в парадигме «литература гастарбайтеров» — «мигрантская литература» — глобализованная «немецкоязычная литература»). Такое смещение фокуса внимания с внешнего (с точки зрения Другого) на внутренний (с точки зрения Своего) связано, прежде всего, со стремительными изменениями в литературном и социокультурном ландшафте современной Германии. Авторы с мигрантским бэкграундом более не позиционируют себя как переселенцы или беженцы, вынужденные в изменившихся обстоятельствах приобретать новые навыки (в том числе языковые) и опыт (интеграция в чуждое и отчасти будто бы от-

торгающее их пространство). Теперь многоязычные писатели отстаивают свое право занять в литературном поле Германии место независимого агента, что позволило бы им легитимировать себя в качестве немецких писателей.

Разделение немецкоязычной литературы на разные национально-ориентированные ниши не всегда проходит безболезненно. Так, на одной из конференций, посвященной мигрантской литературе (Милан, 2016), приглашенная писательница Ольга Грязнова выступила с докладом, в котором осудила разделение литературоведами немецкоязычных писателей на «своих» (немецкая литература) и «чужих» (немецкоязычная мигрантская литература) и призвала рассматривать и представлять ее исключительно как немецкую писательницу. В своем творчестве она намеренно частично отходит от мигрантской темы и пытается рассмотреть другие актуальные для Германии вопросы. Манифест Грязновой наглядно показывает, как на уровне метадискурса проявляются некоторые сложности социализации и самоидентификации современных авторов (ПОТЕМИНА, ПОТЕМИНА 2019). По этой причине представляется необходимым рассмотреть текст не только как часть художественного, но и социокультурного дискурса и проследить, как на уровне текста отражаются проблемы интракультурной и межкультурной коммуникации, возникающие в новоформатном обществе в процессе поиска идентичности.

Похожие тенденции и формы «легитимации» немецкого писательского бытия прослеживаются в процессах интеграции восточно-немецких писателей (выходцев из бывшей ГДР) в западно-немецкое культурное и литературное пространство после 1989 г.

С изменениями ракурса самоинсценировки писателей-мигрантов тесно связаны и формы нарративной репрезентации их мультикультурного опыта. Если раньше в литературе и литературной критике поднимались темы, выстраивающие свою аргументацию на оппозиции «свой» — «чужой» (на языковом, межкультурном, социальном уровне интеграции покинувшего свою родину героя и его социализация в новое, неизвестное ему, языковое и социокультурное пространство), в последние годы акцент смещается на транскультурный опыт многоязычных авторов, свободно владеющих немецким языком и чувствующих себя частью общей немецкоязычной культуры. Авторы продуктивно используют основанные на различном (лингво)культурном опыте

противоречия, трансформируя их в новаторские стилистические приемы и языковую игру. На уровне текста они демонстрируют свое желание стать медиаторами между культурами, не нарушая при этом герметичность нового культурного и языкового пространства, а дополняя его.

Тему конструкторов идентичности можно рассматривать здесь в двух аспектах: 1) на уровне самопрезентации писателей и protagonists и 2) их реакции на помещение в контекст разных пространственных (там и здесь) и временных (прошлое — настоящее) уровней.

2. Результаты исследования и их обсуждение

2.1. «Культурный полилог» в литературном ландшафте Германии

На актуальность и своевременность изучения различных нарративных моделей в контексте современного мультикультурного диалога указывает неугасающий интерес к так называемой «мигрантской литературе», которая рассматривается большинством исследователей как пространство между культурами («interstitial space», «in-between space»), обладающее большим междисциплинарным потенциалом.

В современном обществе невозможно игнорировать детерминированную миграцией гетерогенность (т. е. языковое, этническое, религиозное и культурное многообразие), которая нашла свое отражение в художественном дискурсе. Интернационализация и глобализация постепенно становятся важным элементом, оказывающим влияние как на литературное творчество писателей, так и на способы их литературоведческого осмысления. Концепт «культурная идентичность», который строился на идее «гомогенной культуры», лежащей в основе национальных обществ, подвергается критике и постепенно теряет свое значение. Он уступает место понятию «гибридная идентичность», базирующемуся на идее размывания национальных идентичностей «глобальным постмодернизмом» (HALL 1999: 425).

Литература, созданная авторами-мигрантами, рассматривается в межкультурной германистике как своеобразный вызов концепциям гомогенных национальных идентичностей, а также как «форма преодоления “своего” и “чужого” и отражения гибридной идентичности, характерной для мультикультурной ситуации в Германии в целом» (SCHMITZ 2009: 28).

Дж. Кьеллино выделяет три «инновационных компонента», отличающих мигрантскую литературу: 1) проект межкультурной памяти, 2) диалогизм языка и 3) присутствие межкультурного собеседника в лице читателя наряду с имплицитным читателем своей культуры (CHIELLINO 2000: 391)

Слабой стороной теории Кьеллино, по мнению Б. Штраттхауза, является то, что «межкультурный собеседник» в его концепции противопоставляется представителю гомогенной монокультуры, т. е. «его диалог подразумевает диалог двух отдельных языков, межкультурная компетенция для него в этом контексте — двуязычие» (STRATTHAUS 2005: 32). А поскольку двумя языками владеет только автор, а не потенциальный читатель, то межкультурный диалог через нарратив может не состояться. Эту же идею транслирует в своем исследовании Н. Истерхельд, которая отмечает, что многослойные тексты многоязычных авторов могут быть поняты исключительно читателями, которые также имели опыт смены языкового и культурного пространства (ISTERHELD 2017: 119). Такой разрыв в культурном опыте может не только не преодолеть, но, напротив, углубить и закрепить в сознании публики «пропасть между мультикультурными авторами и монокультурным читателем» (CHIELLINO 2001: 11).

Благодаря языковой игре с атрибутами первого и второго языков, очуждению и гиперболизации, иронии и языковому бессилию как отражению угрозы утраты языка перед лицом экзистенциальной травмы мигрантская литература создает амбивалентный транскультурный опыт. Вопросы, какую роль немецкий язык играет в интеграции мигрантов в новое общество, как своя культура отражается в немецкой, а встреча с «Другим» обогащает немецкий язык, рассматривает в своей работе Роксана Роговете (ROGOVETE 2016). Как медиум конструирования идентичностей изучает язык Марьяна Кресич. На примере «лоскутной идентичности» Койпера, Кресич разрабатывает собственную модель «многочисленных языковых идентичностей» (KRESIĆ 2006). Идентичность и язык часто рассматриваются в психолингвистическом (VENRAVESH 2016), социолингвистическом (THIM-MAVREY 2003) и семиотическом контекстах (POSNER 2003: 39-72).

В сборнике трудов, посвященном транскультурным полиидентичностям, рассматриваются также релевантные для нашего исследования аспекты: каким образом авторами и их героями

переживается опыт принадлежности к нескольким культурам, какие нарративные стратегии и культурные практики они используют для «самоконструирования в транскультурно измененном пространстве и времени» (FREIST, KYORA, UNSELT 2019: 10).

В последние годы авторы часто выступают против выделения «литературы миграции» в отдельную группу, поскольку в этом случае писателям приписываются определенные атрибуты и клише», и любая книга рассматривается как образец мигрантской, т. е. экзотической культуры. В рамках дебатов, выступлений и других эпитекстуальных контекстов писатели с мигрантским бэкграундом пытаются критиковать оценку своих произведений в общественном и даже научно-литературоведческом дискурсах. Они дистанцируются от генерализирующей «мигрантской литературы» и стремятся к индивидуальному позиционированию себя как немецкого писателя, к авторской самоинсценировке.

В контексте всего вышесказанного предполагается, что наряду с традиционными герменевтическими и лингвостилистическими методами исследования одним из продуктивных подходов изучения мигрантской литературы может стать дискурсивный анализ, ориентирующийся на взаимопроникновение художественного и социокультурного дискурсов.

2.2. Репрезентации гибридной идентичности в прозе Емине Зевги Эздамар

Проблема полиидентичности в контексте преодоления многоуровневых языковых, культурных и социальных кодов становится одной из главных тем сборника рассказов *Родной язык* («Mutterzunge», 1990), созданного Эздамар. В данном случае писательница, принадлежащая к первому поколению переселившихся в Германию турецких мигрантов, пытается в художественной форме переработать собственный опыт освоения нового физического, языкового и социокультурного пространства, помещая героинь рассказов в различные жизненные ситуации и наделяя их своим видением возникающих при этом проблем.

Первые сложности, связанные с размыванием самоидентичности, безымянная героиня рассказа *Родной язык* связывает с языком. У «ее» немецкого языка нет культурного бэкграунда, хотя она почти в совершенстве им владеет: «На иностранном языке у слов нет детства» (ÖZDAMAR 2013: 42).

Родной турецкий язык в свою очередь постепенно стано-

вится для рассказчицы чужим. Слова родной матери, сказанные на турецком, воспринимаются ею «как хорошо выученный иностранный язык» (Там же: 7). Впрочем, слушая историю матери юноши, ожидающего своей казни в турецкой тюрьме, она также чувствует, что отдаляется от своих корней: ей кажется, «словно она сказала эти слова на немецком» (Там же: 9). Буквы и надписи также воспринимаются ею как «хорошо выученная иностранная письменность» (Там же).

В Берлинском мульти-культи-кафе героиня задается вопросом, когда же она потеряла свой родной язык: «Wenn ich nur wüßte, wann ich meine Mutterzunge verloren habe» (Там же: 7). «Растворение» в новой культуре пугает героиню. Возможно, именно поэтому со своим вторым «я», пра-личностью и родным языком она может встретиться только в пограничных пространствах: в снах, в поездах, пересекая границу. Преодолевая физические (телесные), географические (Турция-Германия, Восточный и Западный Берлин) или имагинарные границы (явь-сон), она чувствует себя в зыбком пространстве «между двух миров».

«Stehe auf, geh zum anderen Berlin, Brecht war der erste Mensch, warum ich hierher gekommen bin, vielleicht dort kann ich mich daran erinnern, wann ich meine Mutterzunge verloren habe. Auf dem Korridor zwischen zwei Welten» (Там же: 11).

Берлин становится метафорой разделения не только Германии, но и границы между «своим» и «чужим»: «Warum stehe ich im halben Berlin? [...] Ich werde zum anderen Berlin zurückkehren» (Там же: 12).

Возвращение в «другой Берлин», согласно концепции Эздамар, — это возвращение к себе и своим корням. По мнению писательницы, существуют «Восточный Берлин», «Западный Берлин» и «Берлин иностранцев» (Ausländer-Berlin) (ÖZDAMAR 2014). При этом «Берлин иностранцев» — временное пространство для гастарбайтеров, которые приехали сюда лишь на заработки и через год планируют вернуться на родину. Таким образом, Германия представляется им неким провизориумом, временным пристанищем.

Героиня принимает решение отправиться на поиски нового языка и найти себя через языковую идентичность своего деда, который, возможно, поможет ей лучше понимать мать и родной язык: «Vielleicht erst zu Großvater zurück, dann kann ich den Weg

zu meiner Mutter und Mutterzunge finden» (ÖZDAMAR 2013: 12). Дедушка, владеющий только арабским, и героиня, знающая исключительно латынь, не смогли бы без помощи жестов понять друг друга или рассказать друг другу свои истории. Поэтому героиня отправляется в Западный Берлин, чтобы вернуться к своим корням и выучить арабский язык у мастера Ибн Абдуллы (Ibn Abdullah).

Продолжение вышеописанной истории обнаруживается в рассказе *Язык деда* («Großvaterzunge», 1990) (Там же), в котором один из персонажей, специалист по арабскому языку, считает неуместным общаться с героиней, восточной женщиной, на немецком, но на данный момент это — их единственный язык-посредник. Рассказчица начинает осознавать, что языковой пуризм так же, как изолированная идентичность, становятся невозможными в современных условиях. Даже исторически родной язык невозможно выучить изолированно от другого. В результате в процесс изучения ею арабского языка невольно вмешиваются голоса немецких ориенталистов («Ich lernte sehr leise, hinter dem Vorgang waren Sie laut, ihre Sätze und meine Sätze mischten sich» [Там же: 23]), а турецкая песня сливается с арабскими словами («<...> dann kam wieder ein türkisches Lied, und das mischte sich in die arabischen Wörter» [Там же: 30]).

История поиска языка переплетается с платонической любовной историей. В какой-то момент героине кажется, что она «носит в себе Абдуллу в обеих частях Берлина», поскольку новые слова, наполненные любовью, наконец, приобретают смысл: «Die Wörter, die ich die Liebe zu fassen gesucht habe, hatten alle ihre Kindheit» (Там же: 43).

В третьем рассказе Эздамар *Karagöz in Alemania. Schwarzauge in Deutschland* (Там же), выстроенном по всем законам турецкого теневоего театра, гротескно и почти сюрреалистично представлена ситуация перехода из одного пространства в другое. Турецкие рабочие стоят на пороге перемен, перед дверью в Германию, которая постоянно открывается то в одну, то в другую сторону. Граница здесь представлена как некий портал («Die Deutschland-Tür ging auf und gleich zu» [Там же: 61]), позволяющий лишь опосредованно, через проходящих эту дверь людей, узнать об их судьбах. Через «дверь в Германию» проходят многочисленные живые и мертвые: с одной стороны, мужчина с золотыми зубами,

сколотивший себе состояние на испражнениях (Там же: 62), с другой, — через дверь проносят гроб, в котором несут погибшего на немецком автобане в аварии юношу (Там же).

Контраст между двумя мирами показан в этом тексте на разных уровнях:

1) на уровне языка: гастарбайтеры говорят на ломаном немецком языке, их речь изобилует турецкими пословицами и поговорками, не всегда понятными европейскому читателю притчами. Невозможность общения турецких гастарбайтеров и немецких граждан на одном (в прямом и переносном смысле) языке приводит к возникновению звуковых окказионализмов, языка звуков (*Mutterzunge*), к многозначительному молчанию (*Karagöz in Alemania*). Большинство мужчин, стоящих на границе, молчат или разговаривают только с себе подобными. Их молчание — это протест против специально написанных немецкими волонтерами для турков правил поведения, против невозможности сохранить чувство собственного достоинства в данных обстоятельствах. Это и стремление ограничить контакт с «чужим» сферой невербального;

2) на уровне нарратива: автор использует нелинейную повествовательную перспективу, перед читателем разворачивается сценическое действие со всеми атрибутами театрального представления: сменой декораций, героев, пространств, времени. Саморефлексия, авто- и метарепрезентация становятся основой авторского стиля. Основные сложности в коммуникации и проблемы самоидентификации связаны прежде всего с непреодолимыми поведенческими стереотипами и ощущением себя как «чужого» и в родной, и в принимающей культуре:

«„Verzeihen Sie, sind Sie Türke?“
„Ich für Deutsche Türk,
für Araber Deutsche,
zusammen Tennisspielen“» (Там же: 90).

Американский журналист расспрашивает турецкого юношу, почему он покинул Германию и отправляется в Турцию. Мальчик, выросший в Германии, вынужден после достижения 18 лет вернуться на чужую для него родину, языком которой он как представитель второго поколения миграции уже не владеет:

«„Ein Jugendlicher wurde aus Alemania-Tür ausgetrieben. [...] „Where are you going tonight?“

“Türkei!”

“Why?”

„Why? 18 geworden. Go home! I go home. Aber my home ist hinter mir, meine Eltern sind in Deutschland. I go home. Verstehen?“» (Там же: 90-91).

Основная цель журналиста — выяснить, как турецким гастарбайтерам удастся адаптироваться в Германии, ведь «культурный шок», с которым они сталкиваются, ставит под вопрос экономическую, культурную и политическую адаптацию приезжих:

«Versteht ihr, wie wichtig das ist? Was meint ihr dazu? Man müßte unter den Gastarbeitern ein Gedicht- oder Kleidernähwettbewerb machen. Dann könnte man prüfen, wie sie aus deutschen Stoffen ihre türkischen Kleider nähen; so könnte man sehen, wieviel von ihrer Identität nicht da ist» (Там же: 91);

3) на уровне тематики: прослеживается контраст между двумя мирами. В рассказе поднимаются многочисленные социальные проблемы, с которыми сталкивались турецкие граждане, приезжающие в Германию на работу. На примере притчи о крестьянине, отправившемся на заработки в Германию, показано, как рушатся семьи и жизни турецких гастарбайтеров, не нашедших своего пристанища в Германии и утративших свою родину в Турции. Сложнее всего в этой ситуации приходится женщинам, которые либо остаются с детьми без кормильцев на родине, либо вынуждены терпеть свою полную зависимость в чужой им Германии от постоянно работающих и затем срывающихся на них мужей:

«Die Alemania-Tür ging zu, dann sofort wieder auf. Die Frau des Bauern kam raus. Sie war schwanger, sie ging Richtung Türkei und sagte: „Ich nicht aushalten können Deutschland.“ Dann kam sie wieder aus der Türkei Richtung Alemania-Tür, jetzt war sie hochschwanger und trug ihr erstes Baby im Arm und sagte: „Ich nicht aushalten können Türkei“. Sie stand an der Deutschland-Tür und rief laut zu ihrem Mann. Deutschland war laut. Ihr Mann arbeitet als Bergmann. Sie rief: „Komm her, ich habe dir etwas zu sagen.“ Der Bauer rief laut: „ich kann nicht. Komm du her.“ Sie schrie: „Nein“. Der Bauer warf aus Deutschland ein Paar neue Schuhe und ein Kopftuch und sagte zu seinem Esel: „Sprich zu ihr, ich muß arbeiten“ Der Esel zeigte an der Deutschland-Tür einen Wohnungsschlüssel. [...] Die Frau vom Bauern zog sich ihre Schuhe und ihr Kopftuch an und ging mit ihrem Baby und hochschwanger nach Deutschland rein. [...]

Dann ging Deutschland-Tür wieder auf. Die Frau vom Bauern kam raus mit zwei Babys und wieder schwanger. Sie hatte ein blaugeschlagenes Auge. [...]» (Там же: 71-72).

Символичной в этом контексте представляется метафорическая супружеская кровать, на которой лежат, с одной стороны, традиционные семейные ценности, с другой, — атрибуты европейского достатка:

«Der Bauer lag auf seinem Bett, das große bunte Bett vom Anfang war in zwei Teile durchgeschnitten. Auf dem anderen Teil lag die Frau mit ihren Kindern. Der Bauer hatte alle seine Gegenstände mit im Bett. Den Diplomatenkoffer, Taschenrechner, Kassetenrekorder, einen kleinen Mini-Fernseher, seine Sonnenbrille, und er machte seinen Apfelbäumen, die über seinem Kopf standen eine Liebeserklärung...» (Там же: 101).

Заканчивается сборник Эздамар рассказом *Karriere einer Putzfrau. Erinnerungen an Deutschland* (Там же). Безымянное Я рассказчика представляет собой собирательный образ всех приехавших в Германию мигрантов, которые сразу после пересечения границы должны соответствовать стереотипному представлению о гастарбайтерах. Последний рассказ сборника полон интертекстуальных аллюзий и цитат. На сцене разворачивается настоящее театральное действо: «Ich bin die Putzfrau, wenn ich hier nicht putze, was soll ich sonst tun? In meinem Land war ich Ophelia» (Там же: 104).

Бинарные оппозиции «свое — чужое», «традиции — инновации», «жизнь — смерть», «явь — сон», «Восток — Запад», «Восточный Берлин — Западный Берлин» представляют собой доминирующий инструмент авто- и метарепрезентации «себя» и «другого» в рассказах Эздамар. Примечательно, что интеракция протагонистов в рассказах происходит чаще всего на уровне «свой — свой» и практически отсутствует на уровнях «свой — другой». Так, например, турецкого крестьянина избивают в Германии расисты, но не немецкие, а турецкие; молодой человек, купивший себе в Германии Ford Consul, на нем же и разбивается вместе с другими своими турецкими друзьями: «Die Väter nehmen ihre toten Söhne und gehen in Richtung Türkei» [Там же: 98].

Как на физическом, так и на символическом уровне герои трагически сталкиваются со своими собственными страхами, амбициями и фантомами. Метафора зеркала как искаженного об-

раза действительности, заставляющей встретиться с самим собой, является лейтмотивом почти всех произведений Эздамар: «Am Ende des Korridors steht ein Spiegel — das Signal für den sofortigen Aufbruch [...]» (Там же: 97).

На первый взгляд (на уровне языковой и социальной (рабочей) интеграции), протагонистам-мигрантам Эздамар удается формально адаптироваться к условиям жизни в Германии: они находят работу, квартиру, им удается заработать деньги и приобрести значимые для них атрибуты благополучия. Однако несмотря на все вышеперечисленное «чужое» не только не становится «своим», но, как в искаженном зеркале, проявляет наиболее темные стороны как личности, так и органично воспринимаемых в контексте собственной культуры обычаев и традиций. Лишенная собственных корней культура деформируется на Западе, воспринимается инородной как извне («чужое»), так и изнутри («свое»).

Болезненный опыт миграции выражается в ощущении ее героиней раздвоенности, постоянной необходимости (ре)конструирования собственной идентичности. В процессе познания своей истинной сущности авторское *alter ego* находит опору не в «чужом», а воспринимает всё через призму «своего», проявившегося более четко через увеличительное стекло чужого пространства. «Чужое», таким образом, становится лишь посредником в познании «своего».

3. Заключение

Очевидно, что доминирующую роль в сложном процессе адаптации играет языковой фактор. Интегрируя себя в «чужое» языковое пространство и осваивая его, Эздамар постоянно возобновляет поиски своего родного языкового пространства, пытаясь вернуться к собственным национальным корням, вследствие чего речь идет о возникновении такой формы гибридной идентичности, которую мы назвали бы «ретроградной интеграцией». Это означает, что интеграция в «чужое», ставшее в определенной степени новым «своим», осуществляется параллельно с реинтеграцией автора в старое «свое». На фоне формальной адаптации к жизни в Германии писательница продолжает оставаться в состоянии некоего внутреннего диссонанса, что выражается на уровне языка.

Можно констатировать, что авторы-мигранты в ходе становления собственной гибридной идентичности проходят поэтапный путь освоения нового культурного и языкового пространства, основанный на семантической оппозиции «свое — чужое».

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Потемина М. С., Потемина Т. А. Нелинейный образ мигранток и мигрантов (пост)советского пространства в современном социокультурном дискурсе // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: в 2 частях / ред. Н. Л. Пушкарева и др. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2019. С. 494—497. [Potyomina, Marina. S., & Potyomina, Tamara A. (2019) Nelineynyy obraz migrantok i migrantov (post)sovetskogo prostranstva v sovremennom sotsiokul'turnom diskurse (Non-linear Image of Migrant Women and Migrants (Post)Soviet Space in Modern Socio-Cultural Discourse. In Pushkareva, Natalya L., et al. (eds) *Women and Men in Migration Processes of the Past and Present*. Materials of the 12th International Scientific Conference of the Russian Association of Women's History Researchers and the RAS Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Mikloukho-Maklay: in 2 parts. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 494—497. (In Russian)].
- Bondareva, Lydmila; Potyomina, Marina, & Tkachenko, Vera. (2019) Explication of the Migrant Writers' Hybrid Identity in German-speaking Discourse. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, vol. 360. doi: <https://dx.doi.org/10.2991/emssese-19.2019.45>.
- Chiellino, Gino. (2000) *Interkulturelle Literatur in Deutschland*. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Freist, Dagmar; Kyora, Sabine, & Unseld, Melanie. (2019) *Transkulturelle Mehrfachzugehörigkeit als kulturhistorisches Phänomen. Räume — Materialitäten — Erinnerungen*. Bielefeld: Transcript Verlag.
- Hall, Stuart. (1999). Kulturelle Identität und Globalisierung. In Hörning, K. H.; Winter, R. (eds) *Widerspenstige Kulturen. Cultural Studies als Herausforderung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 393—441.
- Isterheld, Nora. (2017) *In der Zugluft Europas. Zur deutschsprachigen Literatur russischstämmiger AutorInnen*. Bamberg: University of Bamberg Press.
- Kresić, Marijana. (2006) *Sprache, Sprechen und Identität zur sprachlich-medialen Konstruktion des Selbst*. München: Iudicium Verlag.
- Özdamar, Emine Sevgi. (2013) *Mutterzunge*. Berlin: İletişim Yayınları.
- Posner, Roland. (2003) Kulturesemiotik. In Nünning, Ansgar, & Nünning, Vera. (eds) *Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen — Ansätze — Perspektiven*. Stuttgart: J. B. Metzler, 39—72.
- Rogobete, Roxana. (2016) Sprache und Identitätsbildung in der Migrationsliteratur. In Murar, Ioana. (ed.) *Annals of the University of Craiova*,

- Year XVII, 1. Editura Universitaria Craiova, 219—228.
- Schmitz, Helmut. (2009) (ed.) *Von der nationalen zur internationalen Literatur: Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration*. Amsterdam; New York: Editions Rodopi B.V. (Amsterdamer Beiträge zur Neueren Germanistik).
- Stratthaus, Bernd. (2005) *Was heißt die „Interkulturelle Literatur“?* Dissertation im Fach Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft zur Erlangung des Grades Dr. phil. Duisburg; Essen.
- Thim-Mabrey, Christiane. (2003) Sprachidentität — Identität durch Sprache. Ein Problemaufriss aus sprachwissenschaftlicher Sicht. In Janich, Nina. (ed.) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Günther Narr Verlag, 1—19.

Marina S. Potjomina
Baltische Föderale Immanuel-Kant-Universität

Hybride Identität im Spiegel der modernen deutschen Prosa

Das Problem der hybriden Identität wird im Beitrag im Kontext der literarischen und soziokulturellen Diskurse untersucht. Auf der Narrativ-Ebene kommen in den Texten der Autoren mit dem Migranten-Hintergrund die Probleme der intra- (Ich — das andere Ich) und interkulturellen (Migranten — die Deutschen) Kommunikation zum Vorschein, die im Prozess der Suche nach der eigenen Identität in der neuformatierten Gesellschaft entstehen. In den Erzählungen aus dem Band *Mutterzunge* (1990) von Emine Sevgi Özdamar wird das Thema der Selbstidentifikation und Sozialisation durch das Prisma der Überwindung von mehrschichtigen sprachlichen, kulturellen und sozialen Code erschlossen. Binären Oppositionen „Eigenes — Fremdes“, „Tradition — Innovation“, „Leben — Tod“, „Wirklichkeit — Traum“, „Osten — Westen“, „Ostberlin — Westberlin“ sind die wichtigsten Instrumente der Auto- und Meta-Repräsentation von sich „Selbst“ und dem „Anderen“ in der Prosa von Özdamar. Auf dem Wege der Integration der Protagonisten in den deutschen Sprachraum kann man in den Texten von Özdamar auf der Narrativ-Ebene die retrograde Vektorrichtung zu dem alten „Eigenen“ mit der anschließenden Rückkehr auf die Startposition einer gewissen Etabliertheit in der neuen deutschsprachigen Gesellschaft feststellen.

Schlüsselwörter: Identität; Migrantenliteratur; Emine Sevgi Özdamar; interkulturelle Kommunikation; Hybridität; Transkulturalität

Hybrid Identity in the Mirror of Contemporary German Prose

The article addresses the problem of hybrid identity in the context of artistic and socio-cultural discourses. At the level of narrative, the texts of authors with a migrant background reveal the problems of intra- (I — the other self) and intercultural (migrants and Germans) communication that arise in the process of searching for identity in a new-format society. In the stories from the collection *Mother Tongue* (“Mutterzunge”, 1990) by Emine Sevgi Özdamar, the topics of self-identification and socialization are revealed through the prism of protagonists overcoming multilevel linguistic, cultural and social codes. Binary oppositions “ours — alien”, “traditions — innovations”, “life — death”, “reality — dream”, “East — West”, “East Berlin — West Berlin” represent the dominant instrument of auto- and metarepresentation of “myself” and “the other” in Özdamar’s stories. During the integration into the German linguistic space, at the level of narrative, Özdamar’s protagonists are observed to have a retrograde vector of movement to the old “theirs” with a return to the initial positions of certain etabli in a new foreign-language society.

Keywords: identity; migrant literature; Emine Sevgi Özdamar; intercultural communication; hybridity; transculturalism